

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Чжэн Луянь «ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н.
ТОЛСТОГО (В СВЕТЕ ИДЕЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ)», представленную на
соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности
10.01.01 – Русская литература**

Диссертация Чжэн Луянь ставит целью анализ творчества молодого Толстого (преимущественно военных рассказов) в свете идей китайской философии. Как утверждает автор, новизна работы состоит в том, что в ней идет речь не о сознательном использовании Толстым идей китайских мыслителей (такой отбор и адаптация имели место в позднем творчестве писателя) и не о рецепции творчества Толстого в Китае, о чем уже писалось неоднократно, а о типологическом сходстве представлений о жизни, смерти и войне в произведениях Толстого 1850-нач. 60-х годов и в трактатах китайских мудрецов. Соответственно, работа делится на три главы. В первой главе «Нравственно-философские принципы Л.Н. Толстого. Толстой как «модернизатор» мировой мудрости» автор пытается охарактеризовать «художественную антропологию» молодого Толстого при помощи понятия «единый интеллектуально-образный космос». Это понятие, к которому автор прибегает многократно, рассматривая его, очевидно, как выражение принципиально нового взгляда на творчество писателя, подразумевает, как мы поняли, единство взглядов Толстого в ранние и поздние годы, сходство его религиозных, нравственных, художественных и проч. представлений, стремление связать все свои впечатления и наблюдения при помощи одного «организующего начала» (с. 183). Рассмотрение творчества Толстого как такого «космоса» позволяет, по мнению Чжэн Луянь, свободно использовать идеи позднего Толстого для характеристики раннего, что обуславливает активное обращение автора работы к религиозно-философским трактатам писателя, выходящим за хронологические рамки изучаемого периода (1847-1862). Одновременно автор стремится доказать, что идея «сопряженности человека со Всем» (с. 15) находится в центре внимания и китайских мыслителей, и показать, как Толстой «модернизирует» учение Конфуция, Лао-Цзы, Ян Чжу, то есть выборочно использует отдельные их идеи.

Во второй главе «Война и военный человек в художественном мире прозы молодого Толстого» автор сосредотачивается уже на военной тематике и проблематике толстовской прозы, последовательно характеризуя все произведения, в которых поднимается данная тема. Параллельно привлекается материал из дневников писателя времен его службы на Кавказе и в Крыму, а также

рассматриваются официальные проекты, которые составлял Толстой в эти годы. Особенно пристальное внимание при рассмотрении военной прозы Толстого уделяется понятиям «тип», «характер» и «судьба», позволяющим выявить принципы дифференциации героев и отношение к ним автора. Сопоставляя взгляды на войну Толстого и китайских мыслителей, автор приходит к выводу о выдвигании ими на первый план «естественной человеческой реакции» на войну, заставляющей их осуждать то насилие, которое всегда осуществляется воюющими сторонами. В то же время автор не может не замечать, что отдельные соображения китайских мудрецов не соответствуют взглядам Толстого: так, Сунь-цзы, рассуждая о психологии солдатской массы, очевидно, пытается сформулировать те условия, при которых солдаты будут максимально эффективны на поле боя; иными словами, то, что происходит в их сознании в этот момент, интересует его не само по себе (как гуманиста Толстого), а в прагматическом отношении, как может это заинтересовать командира, заинтересованного в боевом успехе своего подразделения. Однако, настаивает автор, «в любом философском учении древности мы должны разделять его объективное историческое содержание (буквальные значения) и тот нравственно-философский потенциал, который и обеспечил ему бессмертие» (с. 97), что дает ему возможность игнорировать то исторически и социально обусловленное содержание, которое свидетельствует о дистанции между взглядами Толстого и китайских мыслителей.

В третьей главе «Жизнь и смерть в ранней военной прозе Толстого» автор размышляет о том, как в древнекитайской философии, а также в творчестве Толстого ставились и решались «вопросы взаимосвязи жизни и смерти» (с. 152). Как и в первой главе, Чжэн Луянь здесь вновь активно обращается к творчеству позднего Толстого, в частности к трактату «О жизни», утверждая, что «художественное моделирование смерти» – это прежде всего «моделирование жизни, у которой вдруг четко обозначена граница» (с. 23). Автор также последовательно описывает все эпизоды умирания толстовских героев в его ранней прозе, рассматривая, как связано восприятие смерти с социальным положением героя, степенью его «цивилизованности».

Заметим, что уже сам пересказ диссертации осложняется тем, что в ней отсутствует четкая структура и последовательное, логичное развитие основной мысли. Это связано, на наш взгляд, с постоянными апелляциями к

«интеллектуально-образному космосу» и «интуиции Всего», сквозь призму которых рассматривается творчество Толстого. Идея о взаимосвязанности «всего со всем» в творчестве Толстого (например, его публицистических и художественных работ; образов, отсылающих к разным семантическим рядам и т.д.) имеет давние корни в толстоведении (собственно, само выражение «интуиция Всего», как указывает автор, принадлежит О.В. Сливацкой, и нам не вполне понятно, что нового добавляет словосочетание «интеллектуально-образный космос»), но в данной работе словно избавляет автора от необходимости тщательно отбирать материал для анализа, позволяет ему говорить обо всем, что покажется «кстати», возвращаться к сказанному ранее, почти дословно повторяя его. Сопровождающие каждую главу выводы не облегчают читателю задачу выявления основной мысли главы, не суммируют ее центральные идеи, а представляют собой простой повтор отдельных фраз главы. Это придает работе эссеистический, а не строго научный характер, препятствует выявлению новизны рецензируемой диссертации. Нечетко сформулированная проблема (ср. пункт 2 в Основных положениях, выносимых на защиту в Автореферате: «Сопряженность человека с бытием, «интуиция Всего» – универсальная константа творческого космоса Толстого» (с. 7)) приводит и к чрезвычайной запутанности и неясности изложения. Во второй и третьей главе анализ эпизодов из художественных текстов Толстого зачастую переходит в пересказ, набор общих мест или устаревших клише. Так, анализируя эпизод смерти Праскухина, автор утверждает, что «Образом Праскухина (и Михайлова) Толстой начал изучение «диалектики ничтожной души» (с. 163). Такое произвольное «расширение» цитаты из знаменитой статьи Чернышевского, включение в нее слова «ничтожный» приводит к искажению авторского замысла: ведь в этом эпизоде Толстой применяет такой «микроскопический» анализ души, при котором собственно моральные свойства ее обладателя практически утрачивают значение; иными словами, Толстого пытается показать здесь, как *вообще человек* мыслит, как сознание переключается с одного воспоминания или образа на другие, как в нем объединяются частные наблюдения с какой-то «генерализирующей» идеей (мыслью о смерти в данном случае). Если уж связывать этот эпизод с моральными качествами Праскухина или его социальным положением, то почему тогда проигнорирован блестящий анализ этого эпизода в книге Д. Орвин «Искусство и мысль Толстого. 1847-1880», ссылка на которую есть в библиографии?

Вообще, хотя в работе продемонстрировано достаточно неплохое знакомство с историей вопроса, автор нередко ссылается на старые и не вполне пригодные для описания религиозно-философских взглядов Толстого работы советского времени (непонятно зачем фигурирует Храпченко, мало что объясняют Купреянова, Бурсов или Билинкис), при этом игнорируя серьезные исследования недавнего времени, посвященные той проблеме, о которой идет речь в работе, например книгу И. Меджибовской "Tolstoy and the Religious Culture of his Time. A Biography of a Long Conversion, 1845-1887". Правда, некоторые действительно значимые исследования упомянуты в библиографии, однако следов знакомства с ними в самой работе нами почти не обнаружено. Так, нет ссылок на указанную в библиографии работу Р. Густафсона «Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого» (М., 2003), в которой рассматривается, как состояние «обитателя», предполагающее именно чувство единения со всем мирозданием, борется в душе героев Толстого и в его теоретических построениях с состоянием «чужака», отчужденности от мира в ожидании смерти. При этом, данная книга построена именно на идее о том, что нет «двух Толстых» - до религиозного переворота и после, что художественное творчество молодого Толстого подготавливает его поздние представления о Боге, жизни и смерти. Сама мысль о таком медленном «вызревании» философских идей в рамках художественных текстов кажется нам более уместной в рамках научного исследования, чем повторяемые автором работы соображения о возможности простой контаминации раннего и позднего («ретроспективного анализа», в терминологии Чжэн Луянь), о возможности «модернизации» Толстого или древнекитайской философии. Такая «модернизация» заставляет игнорировать принципиальные отличия между разными явлениями, сосредотачиваясь на довольно очевидных соответствиях «мудрости» Толстого и китайских мыслителей. Ср. с. 124: «И «талан» Хлопова, и смертная тревога Веленчука ставят проблему предопределения, судьбы, лишь отчасти зависящей от социальных обстоятельств. В китайской философии тема эта поднимается неоднократно. Очень показательны размышления на этот счет выдающегося представителя даосизма Ян Чжу: «То, что совершается без участия [человека], — это от неба! То, что не вызвано человеком и все же совершается, — это от судьбы!» (ДКФ, с. 242)». Такие лишь в общих чертах намеченные схождения заставляют ставить вопрос о том, почему творчество Толстого сравнивается с китайской философией, а не, например, с европейской. Почему импонирующая Толстому идея «развития через

противоположности» (с. 66) связывается с понятием дао, а не с гегельянской диалектикой, например? Только фиксируя тонкие нюансы, обращая внимания на разнородность сопоставляемых явлений мы можем обнаружить связи, действительно достойные изучения. Заметим, что перспективность такого рода исследований видится нам преимущественно в углубленном рассмотрении китайской философии, поскольку это материал, более доступный и известный автору работы, чем русскоязычному исследователю. Однако все ссылки на древнекитайских мудрецов взяты из одного источника (Древнекитайская философия: Собрание текстов в 2-х т. М.: Мысль. 1972–1973. Т. 1.), что придает анализу древнекитайских философских трактатов несколько беглый, если не популярный характер. Более того, сам автор заявляет, что и не стремится к целостному воссозданию идей китайской философии: так, на с. 25 говорится, что характеристика постулатов древнекитайской философии, сопоставимых с основными принципами толстовской «философии», «не представляет собой сложности», поскольку «многое здесь уже сделано». Таким образом, основное внимание переносится на толстовскую прозу и «философию», к анализу которой, как следует и из вышесказанного, у нас также много претензий.

Некоторые утверждения, сделанные в диссертации, кажутся нам фактически неверными. Например, не соответствует действительности и опровергается классическими исследованиями (напр. Б.М. Эйхенбаума) идея о том, что «в изображении войны Толстой отказывается от каких-либо батальных традиций и руководствуется исключительно своим непосредственным экзистенциальным и нравственным чувством» (с. 80). А как же Стендаль, например? К работе есть замечания по оформлению. Иногда цитаты как из Толстого, так и из китайских трактатов не сопровождаются ссылками (ср. с. 85, 105, 134 и т.д.); много примеров стилистически некорректных выражений (ср. на с. 136: «внешне-социальный подход к бытию», «универсальное отношение к человеку», на с. 146: «эмоционально-интеллектуальных размышлениях героя» и т.д.). Автореферат соответствует диссертации, однако повторяет присущие ей недостатки.

В целом же, подводя итоги, можно сказать следующее. Работа кажется нам не слишком убедительной по форме изложения и не особенно новаторской по сути; в то же время нельзя не отметить основательного знакомства автором с творчеством молодого Толстого и с толстоведческой литературой (хотя, повторим, наиболее

важные и современные исследования остаются вне поля зрения автора). Любопытен ряд соображений об использовании фольклорных мотивов в военной прозе; некоторые параллели между толстовским мировосприятием и воззрениями на мир китайских мудрецов кажутся оправданными и достойными тщательного анализа. Собственно тема исследования также кажется интересной, и, принимая во внимание важность изучения поставленного в работе вопроса, мы, несмотря на сделанные замечания к реализации этого замысла, все же готовы признать работу соответствующей п. 9, 10 Положения о присуждении ученых степеней и считаем возможным присвоение Чжэн Лиянь искомой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

18 декабря 2015 г.

Ю.И. Красносельская,
преподаватель кафедры истории русской литературы
филологического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова

Подпись заверяю